

Чулпан ХАМАТОВА: «Потому что это были сумасшедшие мы»

— Чулпан, кто она для вас — Муха?

— Я очень боюсь быть однозначной... Муха для меня — герой по-русски. Полуэпический: верит абсолютно во все светлое. Так твердо верит, что... еще и в этом герой. Есть такой пластилиновый мультфильм у Гарри Бардина: Красная Шапочка навещает бабушку — едет в Париж. И на нее Муха чем-то похожа.

Кто видел, поймет, что я имею в виду.

— Муха — вечный образ или человек 1930 — 1940-х?

— Вечный, конечно. Отечественная война — знак чрезвычайной ситуации: все на пределе. Отчаянно стусилились краски, а картина та же. Характеристики те же.

В любом случае ни одна личная человеческая жизнь не стоит ни одной «общей» державной идеи! И в любом случае мы бы эту войну выигрывали... тысячами жизней. Только потому, что это были сумасшедшие мы.

Какая-то абсолютная антилогия живет в русском человеке. Есть такое слово «надо». Надо победить — значит, победим... Для меня Девятое мая — святой день. Но с Мухой дело не в том.

Ее веру блаженную, юродивую: вот мы в узел завяжемся и прорвемся, — я не через войну понимаю. Просто понимаю. Никуда это не ушло. Есть и во мне.

— Вы роман Михаила Кононова с какими чувствами читали?

— Во-первых, сложно было. На первых страницах

поняла, как отвыкли от новой прозы такого качества. Язык виртуозный: плотный, разнородный, с огромным словарем, с резкой сменой ритма!

Читала, примеривая образ на себя. Поняла, что это неподъемная история: так сильно написано, но как же это сыграть?

А в какой-то момент я начала просто плакать над «Голой пионеркой» — так в школе можно было плакать над очень хорошей книгой. «Обличительная» она или нет, «про Родину», «про державу» или про

человека живого — судить не хочу. Но плакала. Нормальными такими слезами читателя.

Потом взяли «Пионерку» мои близкие. И все фыркали, отворачивались. Тогда я испугалась: подумала, может быть, я одна такая сумасшедшая?

Перечитала роман и успокоилась. Нет.

— Вы не боитесь, что этот сюжет пойдет по тому же веселому вedomству, что и роман Сорокина «Голубое сало»? При-

Жена полка

мерно так: что было неприкосновенно, то потоптали власть. И до чего ж это освежает!

— Я не хочу этого! Я решительно этого не хочу: мы со сцены говорим о прямо противоположных вещах. Если кто-то поймет наш спектакль так — это самая большая ошибка, которую можно сделать!

«Голубое сало» — книга предельно холодная. Я ее дочитывала с трудом.

А роман Кононова теплый, даже горячий! Эти два текста — просто полярные. Книга невероятно трагичная... и нет в ней ничего, что бы оскорбляло память войны. Наоборот. Там гибнут в каждой главе души по десять молодых ребят. А она их всех жалеет. Последней жалостью. И — через свое «не могу-у».

Что у Кононова может шокировать сегодняшнего человека? После всего, что сами видели-слышали? И как можно не увидеть там бесконечной любви?

— Я помню вас после черных прогонов «Грозы». Вы сидели в проходе зачехленного зала, на полу, в тяжелых мальчишеских ботинках Катерины. Сидели таким усталым, выработавшимся на сцене человеком, что совместно стало доставать диктофон.

Муху вам легче играть?

— Конечно, Муху играть труднее! Здесь все намного тоньше... И очень опасно пе-

рейти какую-то грань. Если мы ее перейдем, то эта история не тронет сердце.

А если она никого не тронет, то она не имеет смысла вообще!

Говорить, что в годы Второй мировой войны на фронте случались внебрачные связи и другие перегибы? Да разве мы об этом спектакль ставим?

Муха — девочка-Россия. Замороченная, заговоренная, чьим-то шаманством заколдованная, рвущая жилы не по силам. Так страшно ее кто-то пользуется, кто-то натягивает на себя это слово «надо». Не лейтенанты-смертники... а что-то очень большое. И оченк к ней, Мухе, безжалостное.

— Такой жуткий, огромный симулякр Родины ее пользуется. Всех он вместит: товарища Сталина, генерала Жукова, комиссара Чабана и рейхскомиссара Риббентропа. Вот родной Мухин город Ленинград в этот симулякр Родины не вмещается: пусть уж будет за чертой, в блокаде, со всеми недобомбленными бронзовыми архангелами и коммуналками.

И лейтенант Овечкий, взводный князь Мышкин из Кондопоги, в этот симулякр не входит: голен только под пули за него пойти.

И бабушка Мухина с коровой и крестным знаменем — не оттуда. И деревенский учитель Вальтер Иванович, у которого «красные гимназисты» слушают

Вагнера, тоже не влезает: мать у него была немка. Да и отец не наш.

А сама-то Муха, свято верящая в коллективизм летучих мышей...

Тут, верно, главный вопрос: спектакля, книги. Эпохи. Нашей.

Кто же Родина: симулякр с рупором? Или эти люди (и архангелы)?

Муха разрывается между ними. И выбрать не сможет до смерти.

— У нас несколько вариантов финала. Никто не знает точно, что с Мухой стало: расстреляли, или погибла, или выжила. Четвертый вариант: видели ее позже, бесплотную. Летела над полем боя с белым рваным бельишком в руках.

И над кем пролетала прозрачная пулеметчица — тот оставался жив.

Вот такая полуэпическая девочка...

— Современное восприятие войны много скажет нам о нас. Какая память победит: симулякр расскажет нам по ТВ о поучительном примере павших героев или случится прорыв нового осмысления? Как это состоялось в романе Кононова. Как это создается на репетициях вашей «Голой пионерки».

В 1993-м по школам Москвы разослали циркуляр: разбирать Музеи боевой славы! Видно, комиссар Чабан (образ

столь же вечный, сколь Муха) решил: теперь «н-надо» так. Политический момент требует.

Нормальные директора славу прятали. Потом развесили снова. Они наши ведь люди: в том и в другом. А кто пустил музей в раскол, тот тоже наш.

Но к 2005-му комиссар Чабан изменил взгляды. Не во всем: он жаждет поднять рожаемость и отменить отсрочки от призыва, но «матери-солдатке», жене рядового срочной службы, платит 105 рублей месячного пособия на младенца.

Так «н-надо»: страна бедна, люди — золото!

Зато память Отечественной он снова чтит. Ему подошло многое в запасниках 1960 — 1970-х. Лихо смотрится на Первом канале фильм Юрия Озерова «Сталинград» между утренним «Смаком» и вечерним «Как стать миллионером». Ух какой коктейль Молотова можно смешать из этого...

А у вас спектакль будет каменный. На Новой сцене «Современника». В зале на 200 мест. И сам роман Михаила Кононова вышел тиражом 3000 экз. Найдется ли место Мухе, народной героине, в народном сознании?

— Каким станет новый «медный» образ близкого прошлого? Не знаю. Тем более что у меня дома телевизора просто нет.